

желать, чтобы авторъ продолжилъ свои изысканія и далъ-бы предположенное имъ изслѣдованіе объ экскусіи въ латинской имперіи и латинскихъ княжествахъ.

И. Бороздинъ.

И. Громогласовъ. *Опредѣленія брака въ кормчей и значеніе ихъ при изслѣдованіи вопроса о формѣ христіанскаго бракозаключенія.* Вып. I. Введеніе. Определѣніе брака въ 48 гл. кормчей (Градск. зак. гр. 4 гл. 1). Серг. пос. 1908. Цѣна 2 рубль.

Когда въ 1907 году въ Богословскомъ Вѣстникѣ (т. I стр. 60 сл. 275 сл.) появилась статья И. М. Громогласова: «Каноническія опредѣленія брака и значеніе ихъ при изслѣдованіи вопроса о формѣ христіанскаго бракозаключенія», то она привела насъ въ немалое смущеніе и недоумѣніе (см. Юрид. библ. 1907 г. № 1 прил. 1 стр. 21).

Какъ сообщаетъ самъ г. Громогласовъ, цѣлью его работы было изучить «правовую исторію формы заключенія брака» на православномъ востокѣ. Но что же онъ для этого дѣлаетъ? Кратко сказавъ о бракѣ у навахаговъ, о томъ, что въ Сидней несчастныхъ женщинъ сперва оглушаютъ ударами по головѣ и затѣмъ окровавленными тащатъ черезъ лѣсъ къ стоянкѣ, гдѣ происходитъ возмутительная сцена, наконецъ бѣгло упомянувъ о гетеризмѣ, групповыхъ бракахъ, помѣлкѣ и умычкѣ, какъ формахъ заключенія брака, авторъ переходитъ ех abrupto къ формулѣ Модестина, начинаетъ пословно ее растолковывать, разъясняя то, что и безъ того понятно. Итакъ длинно, скучно, а главное совершенно бесполезно.

Откровенно говоря, мы почти забыли о ней, когда въ началѣ 1908—1909 академическаго года вышла въ свѣтъ ученая диссертация г. Громогласова—«Опредѣленія брака въ кормчей и ихъ значеніе при изслѣдованіи вопроса о формѣ христіанскаго бракозаключенія». Серг. посадъ. 1908. вып. 1. Читатель можетъ представить наше удивленіе, когда послѣ бѣлаго просмотра мы убѣдились, что диссертация эта представляетъ почти дословную перепечатку нашей старой знакомой статьи г. Громогласова. Не желая вредить диспутанту, мы рѣшились почтенный трудъ многоученаго автора обойти молчаніемъ. Но habent sua fata libelli! 23 октября состоялся въ Московской духовной академіи диспутъ г. Громогласова, отчетъ о которомъ появился почти во всѣхъ московскихъ газетахъ. По сообщенію «Голоса Москвы», одинъ изъ оффиціальныхъ оппонентовъ, признавая книгу г. Громогласова «цѣннымъ вкладомъ въ науку», «выразилъ сожалѣніе, что онъ не имѣетъ права въ данномъ случаѣ примѣнить университетскій обычай, позволяющій, за неимѣніемъ возраженій, раскланяться съ диспутантомъ». Еще дальше пошелъ почтенный профессоръ канонистъ Н. А. Заозерскій. «Онъ характеризовалъ работу И. М. Громогласова, какъ «слитокъ драгоценнаго металла», изъ котораго плавильнымъ аппаратомъ диспутанта удалена вся лигатура. Этуго

слитокъ настолько изящно отшлифовали, что оппоненту пришлось вооружиться «весьма сильнымъ микроскопомъ», чтобы по необходимости найти хотя малыя «царапки» на немъ, что и удалось ему, когда вопросъ изъ области юридической перенесенъ былъ имъ въ догматическую».

Извѣстія московскихъ газетъ объ успѣхѣхъ книги г. Громогласова на дѣспутѣ, а также хвалебныя рецензіи г. Заозерскаго въ «Голосѣ Москвы» (1908 г. № 255 отъ 2 ноября) и другихъ въ иныхъ повременныхъ изданіяхъ въ глазахъ публики создали за трудомъ г. Громогласова славу положительно *erschienen* въ области русской церковно-канонической литературы.

Послѣ всего этого я счелъ своимъ нравственнымъ долгомъ еще разъ прогугудировать книгу г. Громогласова и дать ей научную оцѣнку спеціалиста.

Noblesse oblige...

Къ сожалѣнію долженъ констатировать, что наше первое впечатлѣніе о произведеніи г. Громогласова ни въ чемъ не измѣнилось.

Сама по себѣ диссертация г. Громогласова представляетъ весьма оригинальное явленіе въ нашей литературѣ. Доселѣ, какъ извѣстно, независимыя обстоятельства мѣшали появленію въ свѣтъ того или другого литературнаго или ученаго труда. Иное явствуетъ изъ предисловія г. Громогласова (стр. 1). Оказывается, что появленіемъ работы г. Громогласова русская наука какъ разъ обязана «независящимъ обстоятельствамъ».

Это чистосердечное признаніе сопровождается еще цѣлымъ рядомъ другихъ откровеній, относящихся къ исторіи составленія труда. Первоначально авторъ избралъ своимъ предметомъ правовую исторію формы бракозаключенія, но затѣмъ «то, чему предполагалось сперва отвести нѣсколько страницъ, не замѣтно разрослось до болѣе значительныхъ размѣровъ». Впрочемъ при томъ научномъ методѣ, котораго держится авторъ, удивительно только, какъ книга его незамѣтно неразрослась до 1000 страницъ и это тѣмъ болѣе, что авторъ до крайности облегчилъ свою работу.

«При разработкѣ указаннаго плана (сочиненія) намъ предстоитъ, пишетъ г. Громогласовъ на стр. 31—32, имѣть дѣло съ очень обширнымъ и разнообразнымъ составомъ источниковъ, такъ или иначе освѣщающихъ сущность и природу христіанскаго брака. Сюда относятся, кромѣ значительной массы собственно каноническихъ и юридическихъ памятниковъ, многочисленныя произведенія древне-христіанской и византійской письменности, литургическія записи и т. п. Обиліе этихъ матеріаловъ таково, что съ нашей стороны было бы, конечно, слишкомъ самонадѣянно помышлять объ исчерпывающей полнотѣ ихъ изученія. Поставивъ себѣ въ этомъ отношеніи болѣе скромную задачу не упустить только изъ виду чего либо существеннаго, авторъ предпочитаетъ возможный упрекъ въ неполнотѣ самостоятельныхъ справокъ пользованію цитатами изъ вторыхъ рукъ, составляющему печальную особенность нашей богословской эрудиціи».

Откровенно сознаемся, что подобнаго признанія объ отношеніи диссертанта къ своему научному дѣйствию намъ никогда не приходилось читать.

Послѣ этихъ краткихъ замѣчаній переходимъ къ дѣлу.

Книга г. Громогласова распадается на 1) введеніе, 2) изложеніе и 3) краткое заключеніе.

Въ введеніи на продолженіи 25 страницъ г. Громогласовъ знакомитъ читателя, повидимому, съ результатомъ своихъ многолѣтнихъ изслѣдованій въ области изученія формъ бракозаключенія на православномъ востокѣ. Вопросъ изучается *ab ovo*, съ ссылками на навахасовъ, австралийцевъ и т. д. На основаніи главнымъ образомъ русской литературы, давъ понятіе о матриархатѣ, *manus*, *patria potestas*, свободномъ бракѣ, авторъ останавливается на формахъ бракозаключенія, какъ у древнихъ народовъ, именно умычка, поимка и фактическое сожительство, такъ и въ римскомъ правѣ, именно *confarreatio*, *coemptio*, *usus* и наконецъ провозглашеніе принципа—*consensus facit nuptias*.

Всякій, кто знакомъ съ римскимъ правомъ, знаетъ, что по данному вопросу дѣло обстоитъ не такъ просто, какъ это кажется автору. *Confarreatio*, *coemptio* и *usus* — это не формы заключенія брака въ точномъ смыслѣ слова, но способы установленія *manus mariti*. (Хвостовъ. Учебн. вст. рим. права, изд. 1908 г., стр. 93). Жираръ (Girard, *Man. élém. du droit rom. Par.* 1906 p. 151 sq.) весьма наглядно показываетъ, что у римлянъ въ древнее время бракъ заключался сопровождавшейся празднествами и религиозными церемоніями свадьбой (*festivitas nuptiarum*), центральнымъ пунктомъ которой было выраженіе согласія и, возможно, установленіе приданаго (*instrumentum dotale*). Позднѣ свадебные обряды выходятъ изъ употребленія и въ результатѣ остается выраженіе одного согласія — *consensus facit nuptias*. Но если можно спорить о *confarreatio* и даже отчасти о *coemptio*, какъ о формахъ бракозаключенія, то того нельзя сказать объ *usus*. «Этотъ способъ, читаемъ у Н. П. Боголѣпова (Пос. къ лекціямъ по рим. праву. М. 1890 стр. 253), употреблялся только для установленія *manus*, но не брака». Подтвержденіемъ этого является существованіе *usurpatio trinoctii*, которая прямо указываетъ, что здѣсь шла рѣчь именно объ установленіи мужней власти. Да и въ самомъ дѣлѣ, не заключался же въ данномъ случаѣ бракъ черезъ годъ послѣ свадьбы.

Не останавливаясь на стр. 25—31 введенія, относящихся скорѣе къ церковной политикѣ, мы не можемъ не выразить своего удивленія по поводу чересзмѣрной массы примѣчаній какъ въ этой, такъ и въ другихъ частяхъ труда г. Громогласова. Для чего они? Кому изъ капоипстовъ и зачѣмъ нужно объяснять, что такое слово первобытный (стр. 4 прим. 1), различіе между мужчиною и женщиною (стр. 7 прим. 1), слово *manus* (стр. 7 прим. 2), *patria potestas* (стр. 8 прим. 1), *caput* (стр. 9 прим. 1), *familia* (стр. 10 прим. 2), полиандрія (стр. 58 прим. 4), полигамія (стр. 89 прим. 1), герудіум (стр. 107 прим. 2), *divortium* (стр. 108 прим. 1) и т. д. Безъ преувеличенія можно сказать, что въ примѣчанія г. Громогласова

вошло все семейное право по Учебнику исторіи римскаго права Н. П. Боголюбова или В. М. Хвостова. Затѣмъ, для насъ не вполне понятна цѣль перепечатки біографіи Модестина изъ всѣмъ извѣстнаго Энцикл. словаря Брокгауза и Ефрона на русскомъ языкѣ. Неужели только для того, чтобы незаметно увеличить объемъ книги или придать ей ученую вѣнчанность?

Переходимъ однако къ главной части труда г. Громогласова, именно растолкованію формулы Модестина—*Nuptiae sunt coniunctio maris et feminae et consortium omnis vitae, divini et humani iuris communicatio*. Выразая сожалѣніе, что богатое содержаніе формулы Модестина доселѣ никѣмъ изъ канонистовъ не раскрыто съ желательной въ данномъ случаѣ обстоятельностью и полнотой (стр. 88), г. Громогласовъ рѣшилъ пополнить этотъ пробѣлъ въ наукѣ. Всякій впрочемъ, кто мало мальски знакомъ съ наукой брачнаго права на западѣ и у насъ въ Россіи, невольно признаетъ, что «возъ и нилѣ тамъ». Къ тому, что въ этомъ отношеніи сдѣлано Чижманомъ (Zhishman, *Das Eherecht d. orient. Kirche*. Wien. 1864) и нѣсколько развито пок. А. С. Павловымъ. (Курсъ цер. права, Серг. пос. 1902), со стороны г. Громогласова не прибавлено ни одной новой черты. Трактатъ г. Громогласова это широковѣщательное распространеніе мыслей и даже словъ вышеуказанныхъ писателей по касательной въ сторону наименьшаго сопротивленія.

Какъ извѣстно, толкованіе формулы Модестина у Чижмана раздѣляется на три части: А) Бракъ есть союзъ мужчины съ женщиною (S. 94—96), В) Бракъ есть общеніе на всю жизнь (S. 96—119) и С) Бракъ есть обоюдное участіе въ человѣческомъ и божескомъ правѣ (S. 119—124). Тоже самое мы видимъ у А. С. Павлова (Учебникъ стр. 317—323) и у г. Громогласова. Но если А. С. Павловъ этому вопросу удѣляетъ шесть страницъ, то г. Громогласовъ, охваченный «обиліемъ мыслей» (стр. 88), въ сущности то же растягиваетъ на протяженіи 160 страницъ.

Чтобы не быть голословными, сошлемся на прилѣпы.

По поводу первой части Модестиновой формулы Чижманъ пишетъ (S. 94 ff.):

«Въ рецепированномъ римско-византійскомъ и каноническомъ правѣ опредѣленіи бракъ признается, какъ союзъ одного мужчины и одной женщины, ибо никому изъ римскихъ подданныхъ не было дозволено имѣть одновременно двухъ женъ. Какъ показываетъ римское выраженіе *individua vitae consuetudo*, союзъ этотъ представлялся не только совместнымъ сожителемъ, но и нераздѣльнымъ, направленнымъ на всю жизнь супруговъ, общеніемъ всѣхъ матеріальныхъ и духовныхъ интересовъ. Это первое свойство брака, черезъ которое утверждается принципъ моногаміи, церковь отнесла къ первой человѣческой парѣ, черезъ соединеніе которой по плану Божію, какъ сообщаетъ объ этомъ книга Бытія (1, 28), долженъ былъ продолжаться по особому благословенію человѣческой родъ. Но такъ какъ, по дальнѣйшимъ свидѣтель-

ствамъ ветхаго и новаго завіта, въ этомъ союзѣ людей въ новую плоть едину заключается основанный Божественною волею институтъ, то бракъ нельзя разсматривать, какъ опредѣленный человѣческими положеніями институтъ. (Быт. II, 24 Матѣ. XIX, 4 и сл. 1 Кор. VI, 17 Ефес. V, 31). Скорѣе онъ является таинственнымъ союзомъ (Ефес. V, 32), религиозное освященіе котораго состоитъ въ томъ, что мужъ долженъ въ немъ любить жену, какъ собственное тѣло (Ефес. V, 28), и что съ устраненіемъ одного изъ нихъ необходимо долженъ пасть также и христіанскій характеръ его (1 Кор. XI, 12). Отсюда взаимное согласіе (*consensus*) является необходимымъ условіемъ. Но по существу церковь признаетъ за бракъ только тотъ основанный Богомъ институтъ, въ которомъ одинъ мужчина и одна женщина съ цѣлю продолженія рода исполнѣ и обоудно, какъ тѣлесно, такъ и духовно передаютъ себя другъ другу. Отсюда Теодоръ Вальсамонтъ съ ссылкой на Матѣ. XIX, 5 пришелъ къ необходимому выводу, что «у супруговъ отношеніе не второй степени родства, которое какъ бы слѣдовало изъ двухъ предшествующихъ рожденій, но вслѣдствіе плотскаго соединенія отношеніе первой степени. Въ виду этого надо полагать, что черезъ бракъ двѣ части являются личностью въ двухъ субстанціяхъ, двое образуютъ какъ бы единое тѣло, двое соединяются въ тоже самое каноническое и гражданское отношеніе брачнаго права».

Тѣже самыя мысли по поводу первой части формулы Модестина повторены, безъ указанія впрочемъ источника, и А. С. Павловымъ въ его «Учебникѣ» съ болѣе отчетливымъ указаніемъ естественнаго или физическаго элемента брака. Тоже самое въ сущности мы находимъ и у г. Громогласова съ тѣмъ различіемъ, что онъ каждую мысль, даже болѣе, каждое слово у Чижмана или у Павлова безконечно растягиваетъ на десятки страницъ, снабжая все это длинными, порой не имѣющими никакого отношенія къ дѣлу, примѣчаніями.

«По опредѣленію Модестина, читаемъ у г. Громогласова на стр. 38—39, бракъ есть прежде всего *coniunctio maris et feminae*. Эти слова содержать въ себѣ общее указаніе на природу супружескаго отношенія, вполне опредѣленно отмѣчая его естественную основу. Таковою является здѣсь половое различіе мужчины (*mas*) и женщины (*femina*), на немъ именно основывается взаимное тяготѣніе половъ къ соединенію (*coniunctio*), составляющему сущность брака. Но что собственно имѣется въ виду, когда идетъ рѣчь объ упомянутомъ различіи половъ?» и т. д.

Послѣ этого авторъ приступаетъ къ пространнѣйшему доказательству того, что и безъ того ясно, а именно, что бракъ имѣетъ своимъ предметомъ не только фізіологическое, но и духовное общеніе. Само собою новаго здѣсь нѣтъ ничего, если не считать столь любезнаго сердцу автора «психо-фізическаго различія половъ». Дальше на протяжении 14 страницъ, опираясь главнымъ образомъ на ученый аппаратъ Чижмана, г. Громогласовъ доказываетъ, что въ этомъ же смыслѣ не только плотскаго, но и духовнаго союза понимается бракъ и христіанской церковью. Оригиналь-

ность автора выразилась только въ краткой полемикѣ съ оргіастами (стр. 46 п сл.) и въ слѣдующемъ глубоко философскомъ размышленіи: «Нравственное сознание христіанскаго общества и положительное право церкви одинаково далеки отъ мысли отождествлять начало брака съ моментомъ перваго тѣлеснаго полоупотребленія (sic! П. Г.) вступающихъ въ него лицъ, какъ и отъ посягательства на цѣлость и прочность уже существующаго союза въ случаѣ невольнаго или добровольнаго прекращенія того, въ чемъ заключается плотская сторона супружескаго соединенія. Едва ли кто рѣшится утверждать, что бракъ само собою прекращается, какъ таковой, коль скоро престарѣлые супруги утрачиваютъ способность испытывать чувственное влеченіе другъ къ другу, или когда добровольно наложенный на себя мужемъ и женой, по обоюдному согласію, обѣтъ воздержанія положить ковецъ ихъ плотскому сожителству. Не расторгается онъ и церковною властью (Будто церковь наблюдаетъ за этимъ! П. Г.) въ томъ случаѣ, когда плотское сожителство становится невозможнымъ, вопреки желанію самихъ супруговъ, вслѣдствіе начавшагося уже въ бракѣ болѣзненнаго состоянія одного изъ нихъ. Съ другой стороны, одна физическая близость, не соединенная съ affectus maritalis, отнюдь не отождествляется съ бракомъ и рѣшительно отвергается церковью. Даже въ существующемъ супружествѣ актъ тѣлеснаго полоупотребленія становится, по выраженію одного изъ древнихъ церковныхъ учителей, «нечестивымъ, не соответствующимъ идеѣ брака и противоразумнымъ», коль скоро плотская страсть не подчинена руководителству нравственнаго сознанія (г. Громогласову положительно совѣтуемъ по сему предмету написать руководство въ духѣ Овидіева *Ars amandi* П. Г.) и не просвѣтлена чувствомъ взаимной душевной привязанности» (стр. 53—57).

«Возвращаясь отъ этихъ разъясненій вновь къ тексту Модестиновой формулы» (г. Громогласовъ самъ значитъ сознается, что эти разглагольствованія съ формулой Модестина не имѣютъ ничего общаго П. Г.), сочинитель находитъ въ ней еще одну (благодарную, прибавимъ мы! П. Г.) черту: «возникающій на почвѣ психофизическаго различія половъ супружескій союзъ опредѣленъ здѣсь какъ *conjunctio maris et feminae*. Употребленіе грамматическихъ формъ позволяетъ видѣть въ этой фразѣ, слѣдуя примѣру одного изъ нашихъ ученыхъ канонистовъ, выраженіе той мысли, что «брачное соединеніе римскій юристъ могъ мыслить только какъ союзъ одного мужчины и одной женщины» (стр. 57—58) ¹⁾.

Послѣ этого начинается великое многослаголаніе на протяженіи 30 страницъ въ родѣ слѣдующаго продолженія развитія мысли Чижмана-Павлова. «Другими словами, здѣсь можно усматривать если не прямое указаніе, то довольно прозрачный намекъ на моногамическій принципъ,

1) Ссылка сдѣлана на Павлова, 50-ю главу кормчей стр. 42—43, куда достаточно заглянуть, чтобы увидѣть, что здѣсь какъ разъ А. С. Павловъ цитируетъ книгу Чижмана.

который нельзя не признать необходимым постулатомъ естественной нравственно-психологической природы брака. Въ самомъ дѣлѣ, если послѣдній есть союзъ не физическій только, а психо-физическій, и если духовная связь, опирающаяся на психологическое различіе половъ, должна быть мыслима не менѣе тѣлесною, чѣмъ общеніе физическое на почвѣ полового различія въ тѣлесной организаціи (философъ ex professo едва ли останется доволенъ этой конструкціей! П. Г.), то очевидно въ этомъ психофизическомъ союзѣ не могутъ разомъ участвовать три индивидуума, или одинъ состоятъ въ союзѣ въ двумя лицами одного пола, какъ невозможно согласное съ законами природы одновременное соединеніе тронхъ «въ плоть едину». Нарушать моногамическій принципъ какимъ бы то ни было образомъ, значить разрушать истинную идею брака и низводить его до самой крайней, унижающей человѣческую природу, односторонности, при которой онъ становится лишь тѣмъ, чему *natura omnia animalia docuit* (стр. 58) и т. д. На протяженіи этихъ тридцати страницъ г. Громогласовъ используетъ всю извѣстную ему русскую литературу о полиандріи, полигаміи, о запрещеніи послѣдней римскимъ правомъ и Библіей, о блудѣ и прелюбодѣянн, о воззрѣніяхъ церкви и греко-римскаго законодательства на повторные браки. Нечего и говорить, что все это къ формулѣ Модестина не имѣетъ близкаго отношенія и притянуто, можно сказать, авторомъ за волосы въ интересахъ развѣ только большого объема диссертациі.

Но что же новаго почерпнулъ любознательный читатель изъ всей первой части изложенія г. Громогласова?

Компендіумъ своихъ изысканій въ области этой авторъ даетъ въ слѣдующихъ словахъ (стр. 85—86):

«Представленный анализъ первой части Модестиновой формулы, опредѣляющей супружество, какъ *conjunctio maris et feminae*, даетъ намъ возможность отвѣтить вполне опредѣленно на вопросъ о томъ, чѣмъ должно быть названное явленіе по самому существу, опредѣляемому свойствами и потребностями человѣческой природы. Разсматриваемый съ этой естественной стороны, бракъ только тогда вполне отвѣчаетъ своей идеѣ, когда онъ есть полное и всестороннее, обуславливаемое психо-физическимъ различіемъ половъ, единеніе двухъ человѣческихъ личностей: одного мужа и одной жены, въ цѣляхъ взаимнаго восполненія ими своей половой односторонности. Въ такомъ единеніи природная склонность къ полюсочетанію, присущая и животнымъ, возвышается въ нравственный союзъ любви, гдѣ личность одного пола, со всѣми ея природными свойствами, настолько тѣсно и гармонически соединяется съ своею половую противоположностью, что составляетъ съ нею какъ бы единый духовный организмъ, болѣе совершенный въ этомъ новосозданномъ цѣломъ, чѣмъ въ своихъ составныхъ частяхъ. Здѣсь становится возможною та полная духовнаго объединенія двухъ индивидуумовъ, которая позволяетъ «супруговъ вслѣдствіе брака (цитирую въ русскомъ переводѣ П. Г.) признавать

почти однимъ единосущнымъ человѣкомъ, представляемымъ въ двухъ субстанціяхъ».

Послѣдняя тирада изъ Вальсамона всякому просвѣщенному читателю напоминаетъ переведенныя нами заключительныя слова Чижмана (S. 96). Но для научныхъ приѣмовъ г. Громогласова характерно, что въ своемъ прилѣчаніи № 1 онъ, перечисливъ труды Гг. Бердникова, Горчакова, А. С. Павлова и друг., на Чижмана какъ разъ и не ссылается.

Вторая часть изложенія въ книгѣ г. Громогласова посвящена комментированію словъ Модестиновой формулы — *consortium omnis vitae*. Здѣсь авторъ желаетъ быть независимымъ отъ Чижмана и, упрекнувъ его чуть не въ легкомысліи, привязываетъ свою легкую ладью къ кормѣ корабля покойнаго А. С. Павлова. Мотивировка этого столь оригинальна, что мы не можемъ удержаться отъ искушенія выписать это мѣсто *in extenso*:

«Идейное содержаніе послѣдней (текста формулы), безъ сомнѣнія, воплоти точно очерченное въ сознаніи составителя разсматриваемой формулы, можетъ быть сужено или расширено ея комментаторомъ, смотря по тому, въ какомъ значеніи будутъ поняты имъ пояснительныя слова при *consortium*. Соблазнительный по своей авторитетности примѣръ толкованія, стоящаго на первомъ изъ указанныхъ путей, данъ знаменитымъ западнымъ изслѣдователемъ брачнаго права восточной церкви (Чижманомъ), который свелъ смыслъ *omnis vitae* къ простому хронологическому обозначенію нормальной продолжительности супружескаго союза, но мысли римскаго юриста, мало отвѣчавшей дѣйствующему праву и нравамъ его времени. Но какъ ни завлекателенъ подобный образецъ, мы все-таки не можемъ послѣдовать за нимъ, считая себя не въ правѣ произвольно ограничивать значеніе словъ, допускающихъ возможность и болѣе широкаго ихъ пониманія. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь ни откуда не видно, что выдающійся представитель классической юриспруденціи, съ такимъ поразительнымъ закономъ умѣншій выразить одну изъ сторонъ своего возвышеннаго взгляда на бракъ, опредѣляя послѣдній, далѣе, какъ *consortium OMNIS vitae*, хотѣлъ сосредоточить вниманіе только на длительности процесса совмѣстной жизни супруговъ, а не на богатствѣ и разнообразіи его реальнаго содержанія. Напротивъ все сказанное раньше въ объясненіе первой части Модестиновой формулы съ достаточной убѣдительностью склоняетъ насъ къ тому, что бы и въ новомъ отдѣлѣ ея искать такого же обилія мыслей, заключеннаго въ немногихъ, тщательно подобранныхъ словахъ. Исходя изъ этихъ основаній, мы не можемъ не отдать преимущества другому пониманію вышеприведеннаго выраженія, раздѣляемому большимъ числомъ ученыхъ специалистовъ въ области каноническаго права, но къ сожалѣнію, насколько намъ извѣстно, никѣмъ изъ нихъ не раскрытому съ желательной въ данномъ случаѣ обстоятельностью и полнотой. Въ *consortium omnis vitae*, согласно такому пониманію, со всею ясностью указано этическое содержаніе брака, состоящее въ полномъ и неразрывномъ общеніи всѣхъ жизненныхъ отношеній между супругами».

Высказавшись за этический элемент и предвкушая удовольствие на пространствѣ шести десятковъ страницъ изложить свои мысли, авторъ буквально впадаетъ въ лирический тонъ и на протяженіи нѣсколькихъ страницъ (стр. 89—97) цитируетъ то Плутарха, то Тертуліана, то нашего Н. А. Некрасова, воспѣвая идиллію гармоніи сердецъ и симфонію душъ въ счастлиномъ бракѣ. Затѣмъ онъ переходитъ къ растолкованію второй части Модестиновой формулы. «Представленное толкованіе словъ: *consortium omnis vitae*, характеризуетъ супружескій союзъ въ качествѣ нравственно-бытового явленія, повидимому, подтверждаетъ высказываемую нѣкоторыми изслѣдователями мысль, что комментируемая формула Модестина содержитъ въ себѣ, между прочимъ, такія черты, которыя представляются излишними въ юридическомъ опредѣленіи брака; но это—только повидимому. Указанное мнѣніе было бы неоспоримой истиной только въ томъ случаѣ, если бы въ занимающую насъ теперь часть этой формулы нельзя было вложить никакого юридическаго содержанія и если бы, съ другой стороны, правовая квалифікація супружества нисколько не мѣнялась отъ наличности или отсутствія этическихъ признаковъ, заключающихся въ представленіи о немъ, какъ полномъ общеніи жизни» (стр. 97). Послѣ этого г. Громогласовъ, ничто же сумняшеся, подъ этический элементъ въ формулѣ Модестина подводитъ все римское бракоразводное право со всѣми вытекающими изъ него послѣдствіями, не исключая *actio rerum amatarum* и *interdictum de uxore exhibenda et ducenda*. Въ нашемъ т. X ч. 1 есть 106 ст.: «Мужъ обязанъ любить свою жену, какъ собственное свое тѣло, жить съ нею въ согласіи, уважать, защищать, извѣщать ея недостатки и облегчать ея немощи», но доселѣ никому и въ голову не приходило выводить отсюда ст. 19—20 Уст. о наказ. и прим. къ ст. 1664 улож. о семейной кражѣ или иски мужа о водвореніи жены по мѣсту жительства мужа!

Стр. 105—141 посвящены разводу. Въ сравненіи съ работами Чижмана, А. С. Павлова, Н. С. Суворова, наконецъ проф. Казанцева и Загоровскаго здѣсь нѣтъ рѣшительно ничего новаго. На богословской сторонѣ вопроса, шаткость которой указалъ даже проф. Заозерскій, мы останавливаться не будемъ. Не могу только не отмѣтить, что г. Громогласовъ напрасно старается вопреки господствующему мнѣнію (ср. Суворовъ, Замѣч. на проектъ о разводѣ стр. 31 и сл.) сдѣлать Іоанна Златоуста сторонникомъ легкихъ разводовъ (стр. 119 прим. 1). Впрочемъ въ этомъ онъ слѣдуетъ по стопамъ своего почтеннаго учителя Н. А. Заозерскаго, воззрѣнія котораго на кан. 9-ый Василія Великаго какъ на поводъ къ расторженію брака по случаю злонравнаго оставленія однимъ супругомъ другого онъ цѣликомъ заимствовалъ въ свою диссертацию (стр. 133), хотя не могъ не знать, что отъ всей гипотезы проф. Заозерскаго ничего не осталось послѣ губительной критики Н. С. Суворова въ его—«Замѣчанія на проектъ положенія о поводахъ къ разводу» (М. 1908 стр. 27 и сл.).

Наконецъ мы переходимъ къ разбору послѣдней части изложенія

г. Громогласова, именно комментированію словъ Модестиновой формулы *divini et humani juris communicatio*. Отступая на сей разъ даже отъ авторитета А. С. Павлова, г. Громогласовъ вслѣдъ за никому невѣдомымъ малограмотнымъ переводчикомъ «Ручной книги законовъ К. Арменулула» наиболѣе правильнымъ считаетъ такой переводъ даннаго мѣста: «соучастіе въ божественныхъ и человѣческихъ правахъ» (стр. 149 прим. 1). Здѣсь мы не можемъ не выразить своего удивленія по поводу крайне не научныхъ пріемовъ автора. Для г. Громогласова рѣшительно все равно, что мнѣніе такихъ крупныхъ авторитетовъ науки какъ Зомъ, Фридбергъ, Чижманъ, Цахаріэ и т. д., или такихъ лицъ, какъ Кутеновъ, Милонановъ, Планикевичъ, Розановъ, Тяжеловъ и т. д.

И такое отношеніе къ ученымъ авторитетамъ проводится систематически, до мелочей!

Позднѣйшимъ римскимъ правомъ строго проводится принципъ раздѣльности имущества мужа и жены: отсюда запрещеніе дареній между супругами. Въ новѣйшей литературѣ по римскому праву это фактъ, не подлежащій спору. Но дѣло въ томъ, что этотъ принципъ идетъ наперекоръ защищаемому авторомъ этическому элементу формулы Модестина, и вотъ онъ, опираясь на ученый авторитетъ покойнаго К. А. Митюкова (Курсъ рим. права, Кіевъ 1892), утверждаетъ, что эта идея всегда была чужда римскому правосознанію (стр. 93 прим. и 99).

Подобное же мы наблюдаемъ и въ толкованіи г. Громогласовымъ послѣдней части формулы Модестина — *divini et humani juris communicatio*. Достаточно заглянуть въ любой учебникъ римскаго права (ср. Богословъ стр. 247, Баронъ § 330, В. М. Хвостовъ, Догма сем. права §§ 2 и 5.), чтобы убѣдиться, что формула Модестина относится къ древне-римскому браку *sine manu*, когда жена передавала все свое имущество мужу, входила въ его семью *filiae loco* и становилась участницей въ его *sacra*. Въ эпоху Модестина все это было далекимъ идеаломъ. На этой точкѣ зрѣнія стоятъ всѣ образованные юристы и канонисты, въ томъ числѣ и Чижманъ и А. С. Павловъ, которыхъ нашъ авторъ совершенно напрасно старается до нѣкоторой степени привлечь въ свой лагерь (стр. 161 и прим. 2). Во времена Модестина бракъ *sine manu*, читаемъ у А. С. Павлова (Учебн. стр. 320), «не производилъ между супругами никакого общенія въ ихъ *sacra privata*. Даже и общеніе въ публичномъ культѣ не было для нихъ обязательно. Каждый супругъ могъ имѣть своихъ боговъ, или даже не имѣть никакихъ». Еще менѣе оправдывается Модестиново опредѣленіе брака на имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ. «Ни о какой *humani juris communicatio* въ бракахъ *sine manu* въ этомъ отношеніи не можетъ быть и рѣчи. Имущество супруговъ остается въ бракѣ совершенно раздѣльнымъ; римляне не имѣли ничего подобнаго германской общности имущества (*Gütergemeinschaft*), при которой или имущества мужа и жены сливаются въ одну нераздѣльную массу, принадлежащую имъ обоимъ, или, по крайней мѣрѣ, имущество жены по закону поступаетъ въ управленіе мужа.

Въ Римѣ жена не только остается собственницею своего имущества, но можетъ свободно имъ управлять». (В. М. Хвостовъ, Сист. рим. права IV, § 5).

Совершенно иначе относится къ формулѣ Модестина г. Громогласовъ. Онъ не можетъ себѣ даже представить, чтобы это опредѣленіе было только «этическимъ афоризмомъ» (стр. 158). Привыкнуши имѣть дѣло съ изреченіями св. Писанія, изъ которыхъ нельзя выкинуть ни одной іоты, онъ думаетъ, что также и въ опредѣленіи Модестина всякое слово должно имѣть особый сокровенный смыслъ (ср. стр. 88). Для него формула Модестина это особое сверхестественное откровеніе.... А такъ какъ это представленіе расходится съ фактами, то г. Громогласовъ обращается чуть не къ аллегоріи, полагая, что формулу Модестина надо понимать духовно. Это также доказываетъ недостаточную подготовку г. Громогласова по римскому праву. Римскіе юристы никогда не разсматривали такъ своихъ опредѣленій. Paulus libro sexto decimo ad Plautium iniungit: Regula est, quae rem quae est breviter enarrat. non ex regula ius sumatur, sed ex iure quod est regula fiat. (D. L. XVII, 1). Но г. Громогласовъ къ сожалѣнію иного мнѣнія и беретъ на себя непосильную задачу. Цѣль его работы—это доказать, что «общеніе въ Божіемъ и человѣческомъ правѣ одинаково пригодно для характеристики какъ строгаго, такъ и свободнаго брака». И вотъ онъ для этого избираетъ «менѣе проторенный путь (все же напоминающій Чижмана, добавимъ мы отъ себя, ср. S. 120. 121 и особ. S. 120 Anm. 2—3 и S. 121 Anm. 2 съ стр. 156—159 въ книгѣ г. Громогласова и относящимся сюда примѣчаніями Н. Г.) подробнаго реальнаго комментарія» (стр. 150) и, призвавъ къ себѣ на помощь неизвѣстнаго переводчика Арменопула на русскій языкъ, выводитъ, что *communicatio juris divini et humani* «обозначаетъ соучастіе или общеніе супруговъ въ области человѣческихъ т. е. гражданскихъ правъ и религіозныхъ, имѣющихъ правовой характеръ, обязанностей» (стр. 155). Къ сожалѣнію авторъ, весьма пространно объясняющій всѣмъ извѣстныя истины, не разъясняетъ намъ болѣе ясно (стр. 161 часть не удовлетворяетъ Н. Г.), какъ онъ представляетъ себѣ «соучастіе супруговъ въ области религіозныхъ, имѣющихъ правовой характеръ, обязанностей»? Ужъ не въ родѣ ли современной воинской повинности или обязанности, быть присяжнымъ засѣдателемъ! И это въ римскомъ бракѣ *sine manu*! Еще болѣе забавны для всякаго романиста стр. 162—166, гдѣ г. Громогласовъ старается доказать *communicatio humani juris* въ сферѣ имущественныхъ отношеній супруговъ, такъ какъ все это «построенное на песцѣ» зданіе рушится при первомъ прикосновеніи фактовъ. Вообще при современномъ состояніи науки римскаго права на западѣ попытка г. Громогласова путемъ собственныхъ ухищреній доказать общеніе супруговъ въ области религіи и имущества въ римскихъ бракахъ *sine manu* есть не болѣе какъ покушеніе съ негодными средствами. «*Communicatio juris divini*, но не *humani*, такъ какъ церковь, какъ правильно замѣтилъ

А. С. Павловъ (стр. 321), не могла непосредственно преобразовать гражданскую сторону римскаго брака, въ послѣдующее время создается подъ вліяніемъ церкви». Последняя со своимъ высокимъ взглядомъ на бракъ, какъ на таинство, естественно требовала полнаго общенія супруговъ въ сферѣ религіи. Отсюда запрещеніе смѣшанныхъ браковъ въ христіанствѣ. Изъ этой изъятной, но благодарной въ виду массы пособій на русскомъ языкѣ темѣ и переходить г. Громогласовъ, удѣливъ ей около 20 страницъ и въ сущности не сказавъ ничего новаго.

Этимъ собственно и заканчивается бѣдная мыслями, но богатая словами книга г. Громогласова. Последнія 10 страницъ представляютъ заключеніе, въ которомъ авторъ, повторивъ еще разъ то, что неоднократно говорилъ раньше, подъ видомъ чего то новаго сообщаетъ то, что давнымъ давно въ области православнаго брачнаго права составляетъ аксиому, именно *consensus facit nuptias*.

Въ концѣ книги приложенъ списокъ источниковъ и пособій (стр. 197—210). Списокъ этотъ наводитъ на размышленія. Всѣ вошедшія въ него сочиненія относятся къ старымъ временамъ. Труды, вышедшіе въ послѣдніе 10—12 лѣтъ, въ немъ или ещѣ gros отсутствуютъ или, хотя и указаны, но въ достаточной мѣрѣ не использованы. За то сюда вошли позднѣйшія сочиненія, немнѣющія, кажется, никакого отношенія къ работѣ автора, наприм. С. И. Смирновъ, Духовный отецъ въ древней восточной церкви (Исторія духовничества на востокѣ) Серг. пос. 1906. Эти соображенія, а также изложенное нами содержаніе книги г. Громогласова заставляетъ подозрѣвать, не имѣемъ ли мы въ данномъ случаѣ дѣла просто съ какимъ нибудь студенческимъ сочиненіемъ автора, вслѣдствіе независящихъ обстоятельствъ поднесеннымъ Совѣту Академіи и публикѣ подъ новымъ соусомъ въ видѣ диссертациі. Но тогда зачѣмъ было медлить столько лѣтъ послѣ окончанія курса въ Академіи? Или *tempora mutantur*... Да, конечно, теперь нѣтъ грознаго А. С. Павлова, строго охраняющаго интересы науки русскаго церковнаго права. Мы, его діадохи, болѣе снисходительны. Мы не требуемъ отъ диспутанта великихъ открытій. По напимъ временамъ достаточно добросовѣстно собрать матеріалъ, безпристрастно его освѣтить и сдѣлать надлежащіе выводы. При настоящемъ положеніи церковно-историческихъ и каноническихъ знаній въ Россіи они будутъ всегда и новыми. Но вѣдь нельзя же въ самомъ дѣлѣ, ссылаясь на «независящія обстоятельства» и на «печальную особенность русской богословской эрудиціи» (стр. 1 и 32), слѣдовать примѣру одного сельскаго батюшки, рассказъ о которомъ намъ невольно припомнился при чтеніи «трактата» г. Громогласова. Какъ это ни парадоксально, но между логическими пріемами того и другого такъ много общаго, что мы положительно не можемъ удержаться отъ воспроизведенія этого рассказа.

«Однажды я имѣлъ неосторожность, вспоминаетъ сельскій отставной попъ (Сем. Быстровъ, «Отставной попъ», Русское бог. 1905 № 9 стр. 41. 42), сказать проповѣдь-экспромтъ, за что и до сихъ поръ клянусь себя.

Случилось это еще при жизни тещи, на первых порах службы: мнѣ пришло въ голову блеснуть кранорѣчіемъ. Подумавъ немножко дома, да столько же въ церкви у заутрени, я про себя рѣшилъ, что пройдетъ и ровно, и гладко. У меня была основная мысль — промыселъ Божій; о деталяхъ я мало заботился. «Они сами собою придутъ — думалось мнѣ,— вдохновеніе подскажетъ».

— Православные христіане, началъ я свою проповѣдь, выходя на солею послѣ второго «Буди имя Господне»,—Православные христіане! Воззрите на птицы небесныя, яко не сѣютъ, не жнутъ, не собираютъ въ житницы, и Отецъ небесный питаетъ ихъ, не вы ли паче лучше ихъ есте? Такъ сказалъ Спаситель и Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Воззрите говорю вамъ и я. Воззрите на птицы небесныя... повторилъ я и вдругъ понялъ, что больше словъ текста я ничего не могу сказать. Я немножко испугался и остановился; мысль моя порвалась. То, что прежде казалось легкимъ и простымъ, теперь съ языка не шло. «Вотъ тебѣ клюква!»—мелькнуло въ головѣ, я покраснѣлъ, и сталъ волноваться. Не зная, что сказать, я бросился на хитрость, а именно объяснить пословно приведенный текстъ. Но какъ объяснить, если я не практиковался? А мучительныя минуты шли.

— Итакъ православные христіане,—продолжалъ я,—воззрите! Если жъ вы не будите взирать, то изъ этого ничего не выйдетъ. Значить, взирать необходимо. То-есть — и я, и вы, и всѣ православные христіане взирать обязаны, ибо само слово Божіе заповѣдуетъ памъ такъ, а слово Божіе, вы сами знаете, непреложно. Да. Такимъ образомъ, выходить, что взирать необходимо.

Совершенно растерявшись, я остановился и смотрѣлъ на огромнаго рыжаго мужика, который удивленно хлопалъ глазами. «Чей онъ? Какъ его звать?»—мелькали мысли у меня. Состояніе было мучительное; я ломалъ подъ епитрахилью пальцы и молчалъ. А говорить было надо, не въ алтарь же уходить....

— А что такое птица? снова попытался я:—Птица есть двупоное существо и, по своему, значить, устройству, ближе всѣхъ земныхъ тварей подходитъ къ человѣку («а обезьяны»? подумалъ я). Посему апостолъ Павелъ, т. е. Господь нашъ Іисусъ Христосъ.... хотя собственно говоря это все равно, дѣло не въ томъ.... посему Господь нашъ Іисусъ Христосъ и сказалъ: воззрите на птицы небесныя.... Но, православные христіане, Онъ не указалъ намъ известнаго рода птицъ. Изъ этого отчасти можно усматривать то, что Богъ никогда не сбѣсняетъ свободной воли человѣка; Онъ даетъ намъ однѣ готовыя истины, развивать же ихъ должны сами. Подъ птицей здѣсь можно подразумѣвать всякую птицу, какую угодно. Для сравненія мы теперь возьмемъ... ну... ну, хоть бы канку или, какъ еще ее зовутъ, индюшку...

Сравненіе было некрасиво—что и говорить!—но дѣлать нечего: слово было сказано.

— А развѣ мужикъ, да и всякій православный христіанинъ не индюшка?—говорилъ я, чувствуя, какъ непріятно звучитъ въ церкви слово индюшка.—Развѣ онъ не созданъ Богомъ для прославленія Творца? Всякое дыханіе да хвалить Господа,—воскликаетъ Давидъ въ благоговѣйномъ порывѣ...

Я потерялъ ужъ мысль и не могъ ее поймать; въ головѣ былъ такой сумбуръ, что я положительно себя не понималъ. Едва ли Пифія говорила когда нибудь такъ, каки я своей паствѣ. Однако, сверхъ всякихъ ожиданій, я говорилъ очень много и, главное, необыкновенно глупо. Поставивъ гдѣ то, чуть ли не въ срединѣ предложенія, поповскую точку «аминь», я ушелъ въ алтарь. Мужикамъ проповѣдь не понравилась.

Проф. И. Гидуляновъ.

Новые журналы, поступившіе въ Редакцію.

Byzantinische Zeitschrift.

Band XVIII (1909). Heft 1—2.

СТР.

Fr. Diekamp. Literaturgeschichtliches zu der Eunomianischen Kontroverse.....	1—13
Jos. Stiglmayer S. I. Der Verfasser der Doctrina Patrum de Incarnatione Verbi	14—40
D. obschütz. Methodios und die Studiten.....	41—105
Sokrates Kugéas. Analecta Planudea.....	106—146
Πέτρος Ν. Παπαγεωργίου. Γεωργίου τοῦ Αἰτωλοῦ τὰ εἰς Ἰωάννα τὸν Ἀργυροπούλου, Θεσσαλονίκης μητροπολίτην, ἡρώελε- γεία	147—153
Π. Ν. Π. Διορθώσεις εἰς ἐπιστολὰς Φωτίου	153
E. W. Brooks. The locality of the battle of Sebastopolis.....	154—156
Πέτρος Ν. Παπαγεωργίου. Διορθώσεις εἰς τὰς Actes de Zographou.	157—158
Giannino Ferrari. Diretta matrimoniale secondo le Novelle di Leone il Filosofo.....	159—175
Στεφάνου Α. Ξανθοῦδίδου. Μολίβδινα βούλλα Κρήτης καὶ Ἀλμοῦ	176—180
Σταμάτας Ἰ. Ξανάκη. Ἐξ μολυβδοβούλα	181—182
Johann Georg, Herzog zu Sachsen. Darstellung Mariä als Zoödochos Pigi.....	183—185